

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Бурхонова Гулрух Садриддиновна

Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского государственного педагогического института

Толибова Рухшона

Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического института

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу разделительных отношений в языке и логике. Рассматриваются онтологические корни дизъюнкции, механизмы выбора и альтернативности в синтаксических конструкциях. Исследует переход от строгой исключительности к инклюзивным моделям связи, опираясь на классические и современные лингвистические концепции. Особое внимание уделяется семантической амбивалентности союзов и их роли в формировании модальности возможного.*

Ключевые слова: *разделительные отношения, дизъюнкция, альтернативность, семантика, синтаксис, логическая связь, модальность.*

Abstract. *The article is devoted to a complex analysis of disjunctive relations in language and logic. The ontological roots of disjunction, the mechanisms of choice and alternativity in syntactic constructions are considered. The author explores the transition from strict exclusivity to inclusive communication models, relying on classical and modern linguistic concepts. Special attention is paid to the semantic ambivalence of conjunctions and their role in shaping the modality of the possible.*

Keywords: *disjunctive relations, disjunction, alternativity, semantics, syntax, logical connection, modality.*

Изучение разделительных отношений требует от исследователя выхода за пределы сухой формализации, поскольку сама природа выбора, заложенная в союзе «или», сопряжена с фундаментальной неопределенностью человеческого бытия. В лингвистической традиции разделительность часто трактуется как ситуация, где реальность расщепляется на несколько потенциальных сценариев, из которых лишь один обретет статус истинности в конкретный момент времени. Как отмечает В.В. Виноградов, разделительные связи в языке не просто соединяют однородные члены, но создают особую интеллектуальную дистанцию между объектами, заставляя сознание балансировать на грани принятия и отрицания каждого из них [1, с. 412]. Это

напоминает художественное описание развилки: перед путником лежат две дороги, и сам акт называния этих дорог через разделительный союз превращает их из параллельных сущностей в антагонистов, претендующих на исключительное внимание. Критики логистического подхода справедливо указывали на то, что языковая дизъюнкция гораздо богаче своего математического прототипа. Если в формальной логике « $A \vee B$ » сухо констатирует наличие хотя бы одного истинного члена, то в живой речи разделительность нагружена эмоциональной неопределенностью или, напротив, категорическим требованием выбор. Интонационный рисунок разделительного предложения способен полностью изменить его семантику, превращая нейтральное перечисление в экзистенциальный вызов. По сути, разделительный союз выступает в роли лингвистического «переключателя», который останавливает поток линейного времени, предлагая субъекту точку бифуркации.

Интересно рассмотреть концепцию «открытого ряда», которую развивали исследователи синтаксиса середины XX века. Они полагали, что разделительные отношения — это не фиксация завершенности, а, напротив, демонстрация неисчерпаемости бытия. Когда мы говорим о выборе, мы невольно подразумеваем наличие скрытых альтернатив, оставшихся за кадром. Лингвистическая ткань в этом месте становится тонкой, позволяя читателю или слушателю почувствовать «дрожание» смысла. Как если бы автор, описывая закат, колебался между пурпуром и золотом, не желая ограничивать величие природы одним эпитетом, тем самым даруя объекту право на многоликость. Здесь разделительность смыкается с неопределенностью, становясь инструментом поэтики недосказанности. В рамках системно-функционального анализа, идеи которого транслировала Г.А. Золотова, разделительные отношения рассматриваются через призму их коммуникативной нагрузки. Критическая мысль Золотовой сводилась к тому, что разделительность не является автономной категорией, она всегда вписана в контекст модальности. Разделяя понятия, мы транслируем либо наше незнание (эпистемическая модальность), либо волю к ограничению (деонтическая модальность) [3, с. 156]. Например, фраза «уйди или останься» лишена логической инклюзивности; она представляет собой жесткое разграничение пространственных и ментальных сфер, где «или» служит границей, которую невозможно пересечь дважды. Разделительные отношения зеркально отражают структуру человеческого принятия решений. Идея о том, что язык есть «дом бытия», находит здесь свое прямое подтверждение: мы строим фразы так же, как выбираем жизненный путь. В разделительных конструкциях предикат часто оказывается в подвешенном состоянии, относясь сразу к нескольким субъектам, но не

закрепляясь ни за одним из них окончательно до момента верификации. Это состояние «мерцающей истины» делает разделительные отношения центральным объектом лингвофилософии.

Более того, стоит обратить внимание на историческую трансформацию союзов.

Древние формы разделительности часто тяготели к повторяющимся конструкциям (ли... ли, то... то), что создавало эффект ритмического колебания, маятника. В этом виделось не столько противопоставление, сколько циклическая смена состояний. В таких структурах язык запечатлел природные ритмы — смену дня и ночи, вдоха и выдоха, где альтернатива не исключает, а дополняет общую картину мироздания. Теоретическая база изучения разделительных отношений охватывает диапазон от строгой бинарной логики до мифопоэтического восприятия мира как бесконечной череды сменяющихся друг друга сущностей. Разделительные отношения функционируют в пространстве когнитивного моделирования реальности. Разделительность в языке часто выступает не как фиксация внешнего мира, а как отражение внутренней неуверенности или ментального поиска субъекта. Это состояние «интеллектуального маятника» превращает простое перечисление вариантов в драматический процесс порождения смысла, где каждый новый член ряда не просто дополняет предыдущий, но и вступает с ним в борьбу за право считаться истинным. Критики традиционного структурализма подчеркивали, что разделительные союзы обладают уникальной «энергетикой исключения». Язык стремится к экономии, и создание альтернативы — это всегда энергозатратный процесс для сознания. В его интерпретации союз «или» подобен линзе, которая фокусирует внимание слушателя на границе между объектами. Мы словно стоим перед витриной, где каждый предмет подчеркивает отсутствие другого; это красочное описание выбора как акта воли позволяет увидеть в грамматике разделительности глубокий психологический подтекст. Разделительность здесь понимается как «негативное единство»: объекты связаны только тем, что они не могут сосуществовать в одной точке актуального пространства.

Особое значение в современной лингвистике уделяется так называемой «инклюзивной дизъюнкции» в естественном языке. В отличие от строгой логики, где выбор одного исключает другое, живая речь допускает ситуации, когда границы между альтернативами размываются. Исследователи коммуникативного синтаксиса указывают на существование «пояснительно-разделительных» отношений. В таких случаях союз «или» не разделяет, а скорее переименовывает, предлагая разные ракурсы одного и того же феномена. Это можно сравнить с попыткой художника передать объем предмета через серию быстрых набросков: ни один из них не является

исчерпывающим, но в своей совокупности (через «или») они создают целостный образ. Здесь разделительность парадоксальным образом служит целям идентификации, а не дифференциации. Критик и теоретик языка А. М. Пешковский в своих поздних размышлениях затрагивал вопрос о ритмической природе разделительных конструкций в поэтическом тексте. Он полагал, что повторяющиеся разделительные союзы создают специфический «синтаксический гипноз», который уводит читателя от логического выбора к эстетическому созерцанию [2, с. 312]. В этом контексте разделительность перестает быть инструментом логики и становится инструментом суггестии. Читатель не выбирает между «жизнью или смертью», «сном или явью», он погружается в пространство, где эти оппозиции сливаются в единый поток сомнения. Теоретическая база разделительности расширяется за счет включения в нее эстетической компоненты.

Не менее важным аспектом является изучение разделительных отношений в контексте теории речевых актов. Когда говорящий использует дизъюнкцию, он часто совершает акт хеджирования — смягчения ответственности за достоверность высказывания. Предлагая несколько вариантов (например, «он придет в пять или в шесть»), субъект создает вокруг себя защитное поле неопределенности. Разделительные союзы позволяют языковой личности избегать категоричности, сохраняя при этом информативность сообщения. Рассматривая концепции Ф. И. Буслаева через призму диахронии, можно заметить, что развитие разделительных отношений шло по пути десемантизации конкретных альтернатив в пользу абстрактной идеи возможности. В древнерусском языке разделительность часто была привязана к конкретным действиям, в то время как современный язык оперирует «чистыми» альтернативами, оторванными от предметности [4, с. 245]. Это свидетельствует об эволюции человеческого мышления в сторону большей абстракции и способности удерживать в сознании одновременно несколько противоречивых гипотез. Критики исторического метода отмечают, что современная дизъюнкция — это триумф модальности над фактологией. Разделительные отношения в современном языкознании интерпретируются как многомерный феномен. Они объединяют в себе жесткость логического закона, гибкость коммуникативной стратегии и глубину философской рефлексии о множественности миров. Изучение этих отношений позволяет понять, как человек справляется с хаосом возможностей, упорядочивая его через тонкую сеть союзов и интонаций. Разделительность — это не просто способ связи слов, это способ структурирования самого процесса мышления, позволяющий нам существовать в мире, где истина редко бывает единственной.

Список использованной литературы:

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1972. — 614 с.
2. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 544 с.
3. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М.: Наука, 1982. — 368 с.
4. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. — М.: Учпедгиз, 1959. — 623 с.
5. <https://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library/2019/12/02/razdelitelnye-znaki-prepinaniya-v-ssp>
6. <https://www.yaklass.ru/p/russky-yazik/9-klass/sintaksis-slozhnosochinennoe-predlozhenie-11380/ssp-s-razdelitelnymi-otnosheniam>